В.В. Прилуцкий

МАСОНЫ И АНТИМАСОНЫ В БРИТАНСКОЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И США В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ИДЕЙНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В статье рассматриваются конфликтные отношения между американскими франкмасонами и их идейными противниками в XVIII – первой половине XIX в. Масонство в изучаемый исторический период стало влиятельной социально-политической силой, что вызывало как справедливые обвинения в адрес секретного братства, так и незаслуженные нападки на тайный союз. Имели место две волны американского антимасонского движения: на рубеже XVIII в. и XIX в. и в 1820–1840-е гг. Первый период антимасонства был во многом связан с событиями Французской революции, потрясшей западный мир. Второй период имел внутриамериканскую историю – «дело Моргана» 1826 г. Показано, что франкмасоны, несмотря на элитарность, уже изначально прочно ассоциировались с прогрессом и либеральными реформами. Они были одними из первых, предлагавшими проекты объединения североамериканских колоний в единый союз или федерацию (Б. Франклин и ранее), принимали активное участие в борьбе за независимость и создании американского государства. Антимасоны выступали как преимущественно консервативная социальная и политическая сила.

Ключевые слова: *история масонства в Северной Америке, американские антимасоны, идея масонского заговора, протестное движение, социально-политическая борьба в США в конце XVIII – первой половине XIX в.*

В истории североамериканского масонства можно выделить следующие этапы: 1) 1730–1776 гг. – колониальный период; 2) 1776–1865 гг. – становление и развитие независимого национального масонства, сопровождавшееся мощными антимасонскими кампаниями, носившими политический характер; 3) с 1865 г. – эпоха максимального подъема масонского ордена после Гражданской войны, пик его популярности и расцвета в США, продолжавшийся в течение столетия – до 1950–1960-х гг., после чего наблюдался некоторый спад активности масонов и уменьшение численности членов их организаций.

Точные сведения о времени возникновения первых масонских лож на территории будущих США отсутствуют. В неподтвержденных документально легендах утверждалось, что в английских колониях в Северной Америке эти события якобы уже имели место в промежуток времени между 1606 и 1720 гг. Есть смутные сведения о деятельности масонских лож в Филадельфии в 1715 г., но они сомнительны. Достоверно известно только об образовании в 1730 г. первой Провинциальной Великой Ложи североамериканских колоний «Кокс», учрежденной Великой Материнской (первой) Ложей Англии. Юрисдикция этой организации, просуществовавшей до 1732 г., распространялась на среднеатлантические (центральные) английские колонии (Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания). Первым Великим Мастером в Северной Америке стал полковник Дэниел Кокс (1673–1739). В 1730-е гг. Кокс предложил, вероятно, первый в истории план объединения колоний (затем то же сде-

лал Бенджамин Франклин (1706–1790) в 1751–1754 гг.). В 1730–1731 гг. были учреждены несколько лож в Филадельфии. В 1734 г. Б. Франклин упоминался как Великий Мастер провинции Пенсильвания[1].

В 1737 г. в зарождавшейся североамериканской периодической печати были опубликованы первые разоблачения масонства. Несколько заметок содержались в газете «The New-York Gazette», которая издавалась в 1725–1744 гг. Это было самое раннее антимасонское выступление в английских колониях (в Англии первые атаки в печати на тайное общество состоялись в 1686, 1698 и 1724 гг.)[2]. Публицисты стремились обличить масонов, высмеять и выставить их в карикатурном виде пьяниц и самохвалов. В негативном свете они представляли, например, масонские ритуалы посвящения (символически означавшего смерть с последующим воскресением) и торжественного банкета – «застольной ложи», или «агапы». В одной из заметок сообщалось о том, как «вольные каменщики» периодически собирались в винном погребе. Им там виделись (вероятно, под влиянием алкоголя) дьявол, «огненные духи» и т.п.[3] В другой заметке содержалось антимасонское стихотворение:

> «Не радуйтесь (своему) великолепию, масоны, берегитесь,
> Славы вам не будет Слава и великолепие увянут, как цветы,
> Поэтому масоны радуются только один день,
> В истинной мудрости и добродетели есть повод для радости
> Отдайте им дань уважения громким голосом
> Тщеславное хвастовство замолчи, добродетели уступи дорогу,
> И опустите свои знамена, масоны, я умоляю»[4].

Помимо английской Великой Ложи («современных» масонов) новые ложи в колониях учреждали ирландский и шотландский ордена «вольных каменщиков». В подобную шотландскую по происхождению ложу вступил в 1752 г. и будущий первый президент США Джордж Вашингтон (1732–1799). До войны за независимость 1775–1783 гг. были предприняты две попытки объединения американских масонов. В 1733 г. возникла автономная Провинциальная Великая Ложа Новой Англии, относившаяся к английской юрисдикции. В апреле 1733 г. Генри Прайс был назначен «Провинциальным Великим Магистром Новой Англии и принадлежащих ей доминионов и территорий», власть которого в августе 1734 г. была распространена на всю Северную Америку. В 1757 г. возникла первая Великая Ложа на территории современной Канады (в Новой Шотландии). В этот год также появилась Провинциальная Великая Ложа Северной Америки, принадлежавшая Великой Ложе Шотландии. К 1776 г. в 13-ти колониях насчитывалось 100 лож, включавших от 1,5 до 5 тыс. членов (при населении страны 2,5 млн. чел.). В 1779-1780 гг. было предпринято несколько попыток объединения американских масонов под эгидой единой национальной Великой

[1] Gould's History of Freemasonry Throughout the World…: 309-310.
[2] Кузьмишин 2019: 442-443.
[3] The New-York Gazette… February 21: 2.
[4] The New-York Gazette… February 14: 2-3.

Ложи, но они оказались безуспешными. В 1775–1784 гг. возникло афроамериканское масонство («ложи Принса Хола»). Окончательно оно оформилось в независимое направление в 1813–1827 гг. Американская революция конца XVIII в. оказала негативный эффект на развитие секретного ордена, но он имел недолгий характер. Оказались разорванными связи с материнской организацией в Великобритании, а ложи разделились на лоялистов (сторонников англичан) и патриотов. В американской армии возникли военные ложи. Усилилось проникновение в масонскую среду идей деизма и свободомыслия в религии, связанное также с ослаблением влияния официальных церковных учреждений. Во время Американской революции и в короткий период после нее в каждом штате сформировалась своя независимая Великая Ложа, организационно порвавшая с британским масонством[5].

К 1800 г. в США насчитывалось 11 Великих Лож, которым подчинялись 347 местных лож с 16 тыс. членов[6]. Большое значение для всемирного масонства имело учреждение в США в 1801 г. Старинного и Принятого Шотландского обряда. Новый ритуал состоял из 33 степеней-градусов и быстро распространился во многих странах мира. Первый американский Верховный Совет данной системы возник в Чарльстоне (Южная Каролина)[7]. Масонство развивалось в стране быстрыми темпами. Всего к 1861 г. в США оформились 37 самостоятельных Великих Лож. Численность членов масонских и парамасонских организаций в первой половине XIX в. определить сложно. Можно предположить, что их было не менее ста тысяч человек (при 23 млн. граждан Соединенных Штатов в 1850 г.).

В США утвердилось регулярное масонство, признаваемое Объединенной Великой Ложей Англии и получившее известность как «англо-американский стиль». Эта консервативная традиционная ветвь отличалась от либерального масонства, представленного Великим Востоком Франции. Ее приверженцы в качестве обязательного условия для членства выдвигали веру в Бога (Великого Архитектора Вселенной), не допускали политических дискуссий в ложах и выступали против участия женщин в деятельности тайного ордена. Однако, по мнению некоторых исследователей, большое влияние на политические процессы в ранних Соединенных Штатах оказывало не английское регулярное, а либеральное континентальное масонство. Его олицетворяли Бенджамин Франклин, связанный с французскими ложами, а также разочаровавшиеся шотландские якобиты и радикальные ирландцы, бежавшие в Америку после поражения ирландской революции 1798 года.

Известно, что из 56-ти подписантов Декларации независимости США в 1776 г. не менее 8 чел. были масонами (включая наиболее известного из них – Бенджамина Франклина), и, возможно, еще 24 чел.

[5] Пятигорский 2009: 209-221.
[6] Vaughn 1983: 11.
[7] Нодон 2004: 144-146.

являлись ими. Треть делегатов конвента, подписавших Конституцию Соединенных Штатов в 1787 г. (13 из 39), являлись «вольными каменщиками». По мнению исследователей, шесть из 15-ти первых президентов, а также семь из 14-ти вице-президентов Соединенных Штатов (до Гражданской войны 1861–1865 гг.) безусловно являлись франкмасонами. Среди них – такие выдающиеся политические деятели, как Джордж Вашингтон, Джеймс Мэдисон, Джеймс Монро, Джордж Клинтон, Элбридж Томас Герри, Эндрю Джексон, Джеймс Нокс Полк, Ричард М. Джонсон, Джеймс Бьюкенен, Уильям Р.Д. Кинг, Джордж М. Даллас, Джон К. Брекинридж. В сентябре 1793 г. в ходе торжественной масонской церемонии Вашингтон в одеянии вольного каменщика лично заложил первый камень в основание будущего здания Капитолия. Выдающимися американскими масонскими деятелями той эпохи были Фредерик Дальхо (1770–1836), Томас Смит Уэбб (1771–1819), Джон Барни (1780–1847) и Альберт Галлатин Макей (1807–1881).

Историки отмечали, что американские масоны в изучаемый период являлись одной из наиболее мобильных групп населения. Они часто выступали в качестве лидеров новых политических и религиозных движений, которые были нацелены против устоявшейся в течение длительного времени иерархии и «общественной системы». Братья отличались высоким социальным статусом, значительным уровнем доходов и обладали наибольшим налогооблагаемым имуществом (хотя среди них имелись многочисленные представители среднего класса и бедных слоев, занятых в сельском хозяйстве и промышленности). В некоторых районах Коннектикута почти четверть членов лож занималась торговлей или обладала профессиональной квалификацией (среди немасонов таких было только 1,5%). До 80% масонов были молодыми людьми до 30 лет, отличавшимися высокой политической активностью и поэтому чаще остальных граждан занимавшими выборные должности. В некоторых западных округах штата Нью-Йорк масоны, в основном принадлежавшие к епископальной церкви, составляли около 50% членов местных комитетов обеих ведущих политических партий: джексоновских демократов и национальных республиканцев – будущих вигов[8]. Это обстоятельство позволяло тайному братству, находившемуся в абсолютном меньшинстве по отношению к численности остального населения, контролировать политическую жизнь на локальном уровне.

Окончание войны за независимость временно породило в стране своеобразный духовный вакуум. Следствием его стал всплеск антимасонских настроений. Если ранее единственным серьезным противником для американцев была Англия, то теперь возникла необходимость в поиске новых врагов, новых «плохих парней», якобы представлявших серьезную угрозу для молодой республики. Политический климат в постреволюционной Америке способствовал возникновению нового про-

[8] Vaughn 1983: 11-12.

тестного движения, направленного против «процветавшего» ордена «вольных каменщиков». Масоны, имевшие высокий финансовый статус, являлись якобы «новой аристократией». Их деятельность противоречила «простым республиканским принципам», на которых основаны политическая жизнь и правительственное управление в США[9].

Большое значение для разоблачения тайного союза имели опубликованные в Лондоне сочинения «Вскрытое масонство» (1730) Сэмюэля Причарда и «Яхин и Боаз, или Подлинный ключ к двери франкмасонства» (1762)[10]. В них раскрывались в подробностях основные масонские символы, знаки, элементы убранства ложи, обряды, ритуалы и церемонии. Последнее произведение было переиздано 34 раза в 1762–1800 гг. В Соединенных Штатах между 1793 г. и 1818 г. вышли в свет 12 изданий этой работы. Но классические теории заговора в Европе, основанные на антимасонских публикациях реакционеров, возникли только во время Великой французской революции конца XVIII в.[11] Они содержались в книгах: «Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или тайна революции, раскрытая при помощи франкмасонства» (1791/1792) католического священника Жака-Франсуа Лефранка (Лефрана) (1739–1792), «Доказательства тайного заговора против всех религий и правительств Европы» (1797) шотландского экс-масона, профессора натурфилософии Эдинбургского университета Джона Робисона (1739–1805), «Мемуары по истории якобинизма» (1797–1798) бывшего иезуита аббата Огюстена Баррюэля (1741–1820)[12]. Эти работы были изданы не только в Англии, Франции, Германии, но и в Соединенных Штатах.

В 1798–1799 гг. состоялась первая массированная атака на масонство в Новой Англии. В ее политической жизни доминировали федералисты, а в религиозной большим влиянием пользовался клир конгрегационалистской церкви. Осуждение масонского влияния в обществе выразилось в то время в серии статей в местной прессе и в гневных проповедях. В качестве ведущих публицистов-антимасонов выступили сторонники партии федералистов доктор Джедидиа Морзе (1761–1826) из Чарльстауна (Массачусетс) и преподобный Дэвид Таппан, профессор теологии Гарвардского колледжа. Противники тайного ордена связывали масонство с французской революцией, якобинством, атеизмом, джефферсоновским республиканизмом, тайной европейской радикальной организацией «баварские иллюминаты», а также с «насильственными посягательствами на христианство, государственную власть и частную собственность». Антимасоны предполагали, что масонство было всего лишь «защитной ширмой» для «аморальных практик» и осуждали «жестокие» клятвы, звучавшие во время масонских ритуалов и церемо-

[9] Greene 1870: 212.
[10] Masonry Dissected...; Jachin and Boaz...
[11] Рогалла фон Биберштайн 2010: 105-132; Кузьмишин 2019: 330-336, 445-447.
[12] Jacques-François Lefranc 1792; Proofs of a Conspiracy…; Abbé Augustin Barruel 1797–1799.

ний посвящения. Известно, что за нарушение клятв и разглашение орденских тайн, согласно ритуалу посвящения, предусматривались страшные средневековые казни, заключавшиеся в перерезании горла, вырывании языка, сжигании внутренностей и т.п. По мнению противников тайного общества, подобные клятвы носили «кощунственный, аморальный, богохульный и преступный» характер, были направлены против государственной власти и социальных норм.

Объявляя «крестовый поход» тайному ордену, консервативные протестанты и федералисты уверяли, что масонство, некая «многоголовая гидра», является «мрачным, бесплодным, самовлюбленным, морально разлагающим» институтом. Масонство – это попытка «Антихриста» или «Зверя Апокалипсиса» вернуть некогда потерянную сферу влияния:

> «Грехи этих врагов Христа и христиан многочисленны… В них – вся злоба и безбожие Дракона, жестокость и ненасытность Зверя, обман и коварство лжепророка... Ничто не должно быть обойдено вниманием, ни одно из нечестивых чувств или действий против Бога не будет иметь пощады»[13].

Огромный общественный резонанс получило дело «отступника» капитана Уильяма Моргана (1774/1779–1826?), с большой долей вероятности похищенного и убитого «вольными каменщиками» в сентябре 1826 г. в штате Нью-Йорк[14]. Его разоблачающая тайны секретного ордена книга «Иллюстрации масонства»[15] увидела свет в конце года. Эти события способствовали возникновению мощного антимасонского движения, охватившего преимущественно северные штаты. Политическое антимасонство было активным в 1826–1840 гг. Антимасонская партия оформилась организационно в 1827 г. В 1827–1838 гг. были проведены десятки антимасонских собраний, включая конвенты штата и общенациональные партийные конвенты 1830, 1831, 1836 и 1838 гг. В 1829–1841 гг. существовала отдельная антимасонская фракция в Конгрессе, насчитывавшая до 25-27 чел. (10,9% палаты представителей). Большое значение имел национальный конвент антимасонов в 1831 г., на котором впервые в американской истории были выдвинуты кандидаты на выборах на посты президента и вице-президента США. Впоследствии национальные республиканцы, виги и демократы последовали этому примеру, и с тех пор данная практика укоренилась в политической жизни Соединенных Штатов.

По мнению антимасонов, тайные собрания лож преднамеренно носили зловещий характер. Они являлись свидетельством в пользу того, что масоны, проникнув во властные структуры, де-факто превратились в «теневое правительство» Соединенных Штатов. Антимасонские конвенты сосредоточились на поисках «внутренних врагов», выступавшие на них делегаты в своих докладах стремились скрупулезно, с почти

[13] Fuller 1995: 86.
[14] Greene 1870: 71-98.
[15] Morgan 1827.

академической дотошностью исследовать степени и звания масонов, тайные слова, пароли, жесты и т.п. Известный американский историк Р. Хофстедтер справедливо отмечал, что антимасонство конца 1820-х – 1830-х гг. было не просто продолжением или повторением более раннего протеста против «иллюминатов». Оно являлось «продуктом стихийного энтузиазма» сельских жителей, которые «искренне верили в него» и «придали ему серьезный импульс». Это было «мощное народное движение», направленное против элиты. Тем не менее, оно отличалось иррациональностью, поскольку основывалось на «навязчивых идеях», «одержимости заговорами», продуцировало, «подхватывало и распространяло» конспирологические теории[16].

Волна протеста привела к угрозе полного запрета масонской организации в Америке. В повседневной политической практике антимасоны предпочитали именовать себя «патриотами», «сторонниками равных прав», «демократами» и «республиканцами», указывая на приверженность традиционным ценностям республиканизма. Тайное братство виделось им в образе «чудовища с острыми клыками, кровожадного, беспощадного и ненасытного, добычей которого являются надежды людей»[17]. Утверждалось, что масоны якобы угрожали нравственным основам общества и могли уничтожить «дух демократии». Демонизацию масонов следует рассматривать через призму американского евангелизма, протестантского фундаментализма и пуританизма. Для понимания мышления и глубинных пластов психологии антимасонов чрезвычайный интерес имеют документы христианских собраний. В них часто встречались понятия: «тьма», «тайна», «дьявол», «Сатана», «Антихрист» и «свет». Секретные общества рассматривались как агенты «князя тьмы», «дьявольские силы», связывались с «завесой тайны», «тьмой», на которую следовало «пролить свет».

На подобные представления оказала влияние не только эсхатологическая мысль иудео-христианской традиции, но и народные апокалиптические верования. Одержимость американских протестантов идеей Антихриста приводила к желанию осмысливать себя и своих противников в контексте духовной войны, мифического сражения абсолютного добра против абсолютного зла. В результате в умах многих американцев утвердился взгляд на мир в черно-белых тонах. Своя страна представлялась им благословленной Богом, что одновременно предполагало крайне негативные оценки врагов, приписывание им демонических свойств. Масонство рассматривалось как «дело рук Антихриста» и с ним связывались «темные заговоры» и революции в Европе, произошедшие за последние полвека (конец XVIII – первая половина XIX в.). Оно обвинялось в пародировании христианства и его таинств, искажении идей Библии, в высмеивании в своих ритуалах Спасителя, Святой Троицы,

[16] Hofstadter 1967: 14-15.
[17] The Proceedings of the Second United States Anti-Masonic Convention…: 81.

Бога Всемогущего. «Не подвергаются ли ужасной насмешке и не предстают ли в форме жалкого театрального фарса в обрядах и церемониях этого института существенные части священной книги, которая дарует нам обретение жизни вечной?». Это «лицедейство» «более опасно, чем явное и открытое предательство религии Иисуса»[18].

Любопытны резолюции, принятые в разгар антимасонской кампании на митинге христиан разных деноминаций: пресвитериан, баптистов, методистов, епископальцев. По их мнению, повсеместно происходит борьба «царства Христа», опирающегося на «священные» принципы и основы «справедливости, милосердия, доброты, света и истины», с «царством Сатаны», с теми, кто «поддерживает интересы Антихриста среди людей»: «Масонство принадлежит к царству Сатаны, и быть масоном есть великий грех»; «Мы полагаем, что Библия (которая является истинным судьей в решении подобного вопроса) признает масонские клятвы безнравственными и осуждает масонство как царство Сатаны». Протестанты призывали «братьев» порвать с «делами тьмы», оставить «богопротивные клятвы», «вернуться к простоте Евангелия», «выйти на свет»[19].

Одним из ярких лидеров и выдающимся идеологом антимасонского движения в начале 1830-х гг. являлся Джон Куинси Адамс (1767–1848), шестой президент США. Адамс написал целую серию писем против франкмасонов, изданных впоследствии отдельной, значительной по объему, книгой. Он полагал, что после раскрытия преступлений, связанных с именем Моргана, и разглашения масонских клятв и предусмотренных ими мер наказания, прямым долгом масонского ордена в Соединенных Штатах должен быть «либо самороспуск, либо исключение из устава организации всяких клятв, наказаний, тайн и таких странных к ним приложений, как мистерии и пышные торжества». Конечная цель антимасонской кампании заключается в том, чтобы «требовать запрещения масонства в Соединенных Штатах», и будет существенным достижением, если «мы полностью убедим народ, что эти преступления действительно совершены, и повинны в них масоны»[20].

«Вольные каменщики» в публичных выступлениях в печати акцентировали внимание преимущественно на религиозно-философской, морально-этической и духовно-мистической составляющей своей деятельности. Они не стремились активно публиковать апологетические сочинения, но постоянно подчеркивали такие добродетели братьев, как патриотизм, законопослушность, религиозность, стремление помогать ближнему. Масоны избегали полемики по сущностным вопросам, руководствуясь принципом «дела важнее слов». Вера в Высшее Существо, стремление к нравственному самосовершенствованию, а также

[18] Political Action (Proceedings of a Convention of Delegates Opposed to Freemasonry)…
[19] The Clerical Appeal…: 43-45, 47.
[20] Adams 1851: 6-33. См. также: Jones 1829; Stone 1832; Adams 1833; A collection of letters on freemasonry...

благотворительность, благочестие, добропорядочность, честность и другие высокоморальные качества и добродетели являлись характерными чертами настоящих «вольных каменщиков».

Многие члены тайного союза искренне не понимали причины внезапно проявившейся сильной ненависти к масонской организации, общественной «истерики» (истоки которой в действительности следовало искать в укоренившейся еще с конца XVIII века среди христианских церквей подозрительности в отношении секретных обществ). Полной неожиданностью для них оказались «взрыв истерического негодования», пронесшийся по штатам «ураган» и «возбуждение», в которое пришла «вся страна, от края до края». «Вольные каменщики» увидели в антимасонской кампании проявление предрассудков, необразованности простого народа, невежества и политической враждебности ряда активистов. В ходе нее франкмасонство стало «жертвой жесточайшего и безосновательного преследования»[21], когда были временно забыты имена выдающихся «отцов-основателей» США (Вашингтона, Франклина и др.), являвшихся «вольными каменщиками».

Апологеты масонства утверждали, что орден являлся «притягательным» для молодежи, «заслуженных профессионалов», лиц умственного труда, «государственных деятелей и философов»[22]. В ложах «союза человечества» должен был «царить» «дух братской любви», взаимной поддержки и взаимопомощи. Поэтому «братьям» необходимо было оставить все социальные и национальные различия, прекратить политические и религиозные дискуссии и сосредоточиться на мистических поисках, «великой работе по возведению Храма». В целом такую позицию масонов, стремившихся уклониться от дискуссии или сохранять молчание, которое можно было толковать и как знак согласия, следует признать слабой и даже ошибочной. Она оставляла ощущение крайней противоречивости в деятельности секретного братства и подогревала воображение создателей разнообразных теорий заговора.

В то же время, отдельные видные «вольные каменщики» – руководители и рядовые члены тайного союза выступали в прессе с опровержением «измышлений» и «лжи» в отношении масонства. Как правило, для них были характерны личные нападки на противников ордена, а также обвинения их в фальсификации документов, подтасовке фактов, в «фанатизме» и попытках подорвать американскую демократию. Они напоминали антимасонам, что многие выдающиеся вирджинцы, включая генерала Вашингтона, были членами тайного братства. Масоны уверяли, что участие в работе ложи нисколько не противоречило нравственным качествам человека, патриотизму и религиозным убеждениям, поскольку масонство, по их мнению, было «не более чем социальным благотворительным клубом». Отношения между «братья-

[21] Пятигорский 2009: 222-223.
[22] Free masonry…: vii-ix.

ми» всегда отличались дружелюбием. Для блага страны главное, чтобы при расследовании деятельности секретной организации «восторжествовал принцип верховенства законов»[23].

Главным итогом антимасонской кампании стало резкое снижение численности членов ордена «вольных каменщиков» в Америке с более чем 100 тыс. чел. в середине 1820-х гг. до примерно 40 тыс. чел. через десятилетие. За этот же период численность «вольных каменщиков» в штате Нью-Йорк, крупнейшем центре масонства, сократилось с 20-ти тысяч до 3-х тысяч человек.[24] Закрылась или приостановила работу даже часть масонских организаций (включая Великие Ложи) в соседней Канаде. Уже в середине XIX в. начался новый подъем американского масонства, которое быстро восстановило и укрепило утраченные ранее позиции. Несмотря на гонения, в 1830–1844 гг. возникли семь новых Великих Лож штатов, а в 1843 г. и 1847 г. в Балтиморе были проведены национальные масонские конгрессы (съезды)[25]. В последней трети XIX века имело место оживление антимасонских настроений, оказавшихся тесно связанными с прогибиционизмом (борьбой за «сухой закон») и христианским фундаментализмом.

Существуют различные (часто прямо противоположные) мнения историков в отношении масонов и антимасонов и их роли в истории США. Антимасонство являлось сложным феноменом, в котором отразились борьба бедных против богатых, среднего класса – против финансовой элиты, протестантского фундаментализма – против свободомыслия, политического консерватизма – против либерализма, а также столкновение двух культур – сельской (религиозной и традиционной) и городской (урбанизированной и индустриальной). Безусловно, прогрессивен первый партийный национальный конвент в американской истории, который провели антимасоны. Выступая под демократическими лозунгами, используя радикальную риторику, тем не менее, они объединили в своих рядах не только консервативно настроенных, но и реакционных американских протестантов, проживавших преимущественно в сельской местности. Последние были недовольны процессами модернизации, индустриализации, урбанизации и не воспринимали в целом городскую культуру. Антимасоны протестовали против политики местных и центральных властей, имевших место злоупотреблений с их стороны, давления «коррумпированных», «богатых и влиятельных людей». Религиозно настроенные, малограмотные фермеры с трудом приспосабливались к переменам в обществе и тяжело переживали трансформацию их традиционного уклада жизни. Вскоре нашлась и причина многих личных бед и проблем общества – масоны и тайные общества. Следует понимать, что это была во многом естественная реакция, характерная для части людей, переживавших кризисные и переходные

[23] National Anti-Masonic Convention...
[24] Vaughn 1983: 187.
[25] Уайт 2003: 189.

периоды. Поиск и разоблачение врагов и виновников возникших трудностей, их преследование виделись в качестве главного метода решения социальных проблем и возможного выхода из состояния стресса и психологического дискомфорта.

Масоны не скрывали, что их орден имел устойчивые связи с элитой и влиятельными людьми в верхах. Но они не считали, что эти обстоятельства могут способствовать возникновению разного рода злоупотреблений. «Вольные каменщики» гордились тем, что в их организацию входили «талантливые и обеспеченные люди», представители высшего слоя и среднего класса. Несмотря на стремление к элитарности, мистицизм, преобладающую ориентацию на консервативные ценности и определенную коррупционную составляющую, масонское движение в Северной Америке носило во многом прогрессивный характер. «Вольные каменщики» объединили в своих рядах в основном людей передовых, либерально мыслящих, нацеленных на реформы, проявлявших значительную активность в социальной, экономической и политической сферах жизни общества. Антимасонский «крестовый поход» 1826–1828 гг. нанес существенный ущерб тайному союзу, но не смог остановить его развитие. Масоны вынуждены были участвовать в полемике со своими противниками, обвиняя последних в религиозном и политическом «фанатизме», называя «врагами» свободы, демократических принципов и прав человека. Постепенно у секретной организации начала складываться традиция не подтверждать, но и не опровергать выдвинутые против нее обвинения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Кузьмишин Е.Л. Масонство. М.: Ганга, 2019. 560 с. [Kuz'mishin E.L. Masonstvo. M.: Ganga, 2019. 560 s.].

Нодон П. Масонство. М.: Астрель-АСТ, 2004. 190 с. [Nodon P. Masonstvo. M.: Astrel'-AST, 2004. 190 s.].

Пятигорский А.М. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М.: НЛО, 2009. 448 с. [Piatigorsky A. Who's afraid of Freemasons? The phenomenon of Freemasonry. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 448 s.].

Рогалла фон Биберштайн Й. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010. 400 с. [Rogalla von Bieberstein J. Mif o zagovore. Filosofy, masony, evrei, liberaly i socialisty v roli zagovorshchikov. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2010. 400 s.].

Уайт А.Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории. СПб.: Лань, 2003. 480 с. [Waite A.E. A New Encyclopaedia of Freemasonry (Ars magna latomorum) and of Cognate Instituted Mysteries: their Rites, Literature and History. SPb.: Lan', 2003. 480 p.].

Abbé Augustin Barruel. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. In 4 parts. L., 1797-1799 (Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme).

A collection of letters on freemasonry: In chronological order. John Canfield Spencer, Richard Rush, Henry Tatem. Boston: T.R. Marvin, 1849. 103 p.

Adams J.Q. Letters and opinions of the Masonic institution. Cincinnati: L. Stratton, 1851. 276 p.

Adams J.Q. Six Letters from John Quincy Adams to Edward Livingston, on Masonry. Philadelphia: C.T. Jones, 1833. 32 p.

Free masonry. Its pretensions exposed in faithful extracts of its standard authors; with a review of Town's Speculative masonry: its liability to prevert the doctrines of revealed religion, discovered in the spirit of it doctrines, and in the application of its emblems: its dangerous

tendency exhibited in extracts from the Abbé Barruel and Professor Robison, and further illustrated in its base service to the Illuminati. N.Y., 1828 (reprint: 2008, 2009). 399 p.
Fuller R.C. Naming the Antichrist: The History of an American Obsession. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 240 p.
Gould's History of Freemasonry Throughout the World. In 6 volumes. By R.F. Gould, D. Wright, M.M. Johnson, J.E. Allen. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1936. Vol. 5. 547 p.
Greene S.D. The Broken Seal, or, Personal Reminiscences of the Morgan Abduction and Murder. Boston: H.H. & T.W. Carter, 1870 (reprint: 1872-1880, 1975, 2009). 304 p.
Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics and Other Essays. N.Y.: Vintage Books, 1967. 314 p.
Jachin and Boaz; or, An authentic key to the door of free-masonry: calculated not only for the instruction of every new-made mason; but also for the information of all who intend to become brethren ... illustrated with an accurate plan of the drawing on the floor of a lodge, and interspersed with variety of notes and remarks, necessary to explain and render the whole clear to the meanest capacity by Gentleman belonging to the Jerusalem Lodge. L.: Printed for W. Nicoll. 63 p.
Jacques-François Lefranc. Le voile levé pour les curieux, ou Le secret de la Révolution de France révéle, à l'aide de la Franc-Maçonnerie. P.: Crapart, 1792 (reprint: Whitefish, 2009). 104 p.
Jones H. Letters on Masonry, Addressed to the Professed Followers of Christ: Now in Connection with the Institution of Freemasonry. Boston: Anti-Masonic Free Press, 1829. 45 p.
Masonic events in history taken from parallels with history by Alphones Cerza. URL: http://www.themasonictrowel.com/articles/history/other_files/masonic_events_history.htm
Masonry Dissected: Being a Universal and Genuine Description of All Its Branches, from the Original to this Present Time: as it is Deliver'd in the Constituted Regular Lodges, Both in City and Country, According to the Several Degrees of Admission .. With a New and Exact List of Regular Lodges According to Their Seniority and Constitution. To which is Added, the Author's Vindication of Himself. By S. Prichard. L.: T. Cooper, at the Globe in Pater-Noster-Row., 1737 (reprint: Bloomington, 1977). 32 p.
Morgan W. Illustrations of Masonry by One of the fraternity, Who has devoted Thirty Years to the Subject. Rochester (N.Y.): Printed for the author, W. Morgan, 1827 (reprint: 1827-2006). 96 p.
National Anti-Masonic Convention // Niles Weekly Register. 1831, September – 1832, March. Vol. V. 4-th series. P. 83-85.
Political Action (Proceedings of a Convention of Delegates Opposed to Freemasonry, which met at leRoy, Genesee Co., N.Y., March 6, 1828) // Antimasonry: The Crusade and the Party. American Historical SourcesSeries / Compiled by L. Ratner. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1969. P. 58-59.
Proofs of a Conspiracy Against all the Governments of Europe, carried on in the secret meetings of Free Masons, Illuminati, and Reading Societies. Collected from good authorities by John M. Robison, A.M. Professor of Natural Philosophy, and Secretary to the Royal Society of Edinburgh. Edinburgh, L.: Printed for T. Cadell, jun. and W. Davies; and W. Creech, 1798 (reprint: 1798-2005). 547 p.
On Masonry and Anti-masonry, Addressed to The Hon. John Quincy Adams. N.Y.: O. Halsted, 1832. 566 p.
The Clerical Appeal (A meeting of different denominations of Christians, held in Lenox, Madison county, N.Y. on the 13th day of October, 1829) // Antimasonry: The Crusade and the Party... P. 43-47.
The New-York Gazette. 1737. February.
The Proceedings of the Second United States Anti-Masonic Convention, Held at Baltimore, September, 1831: Journal and Reports, Nomination of Candidates for President and Vice President of the United States, Letters of Acceptance, Resolutions, and the Address to the People. Boston: Type and Stereotype Foundry, 1832. 88 p.
Vaughn W.P. The Anti-Masonic Party in the United States: 1826-1843. Lexington (Ky.): University Press of Kentucky, 1983. 244 p.

***Прилуцкий Виталий Викторович**, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского; vitaliypr@yandex.ru*

Freemasons and Anti-Masons in British North America and the United States in the XVIII-th – First Half of the XIX-th Centuries: Ideological Confrontation

The article deals with the conflict relations between American Freemasons and their ideological opponents in the XVIIIth – first half of the XIXth c. Freemasonry in this historical period became an influential socio-political force, which caused both fair accusations against the secret brotherhood and undeserved attacks on the secret alliance. There were two waves of the American Anti-Masonic movement: at the turn of the XVIIIth and XIXth cc., and in the 1820s – 1840s. The first period of Anti-Masonry was largely associated with the events of the Great French Revolution, which shook the Western world. The second period had an internal American history – the «Morgan case» of 1826. It is shown that Freemasons, despite their elitism, were already strongly associated with progress and liberal reforms from the very beginning. They were among the first to propose projects for the unification of the North American colonies into a single union or federation (B. Franklin and earlier), took an active part in the struggle for independence and the creation of the American state. The Anti-Masons acted as a predominantly conservative social and political force.
Key words: *history of Freemasonry in North America, American Anti-Masons, the idea of a Masonic conspiracy, the protest movement, socio-political struggle in the USA in the late XVIIIth – first half of the XIXth c.*

Vitaliy V. Prilutskiy*, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky; vitaliypr@yandex.ru*

Г.С. Рагозин

«ДЕЛО АВСТРИИ – ДЕЛО ГЕРМАНИИ»? КОНСЕРВАТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АВСТРИЙСКОГО УЧАСТИЯ В ГЕРМАНСКОМ ВОПРОСЕ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Статья обращается к проблеме «сопричастности» Австрии и Германии в период Наполеоновских войн. Дискуссия об отношениях Вены и остальной Германии по итогам распада «Старого Рейха» шла в доме Габсбургов, армии и бюрократии. Лозунг «Дело Австрии – дело Германии» был призван обосновать связь этих земель образами прошлого и настоящего. Такие идеологи консерватизма, как Ф. фон Генц и Й. фон Хормайр, обратились к исторической памяти, династическому патриотизму, а также критике Французской революции и Наполеона. Их идеи подхватили реформаторы, полководцы и лидеры движений против Наполеона в 1803–1809 гг. После Шенбруннского мира произошло иное осмысление лозунга и австрийского консерватизма в целом.

Ключевые слова: *история Австрии, германский вопрос, австрийский консерватизм, Фридрих фон Генц, Йозеф фон Хормайр, Клеменс фон Меттерних*

Вопросы национальной самоидентификации и идентитарной политики актуальны в условиях интеграционных процессов. Особым случаем выступают отношения в условиях одного культурного пространства и конкуренции в нем центров силы. Их сотрудничество, подаваемое как «сопричастность», в этом случае остается одной из возможных моделей отношений при кризисе существующего порядка, когда спорные вопросы отходят на второй план по сравнению с общим политическим интересом. Переосмысление исторического опыта отношений одного из полюсов силы с остальными участниками процесса имеет место с целью обоснования новой модели взаимодействия. Память о предшествующих эпохах может сопровождаться «ностальгией» по «общему прошлому» для подкрепления действий против общего противника. Конечной целью становится успех мобилизации и последующей борьбы. Все это в полной мере относится к отношениям Австрии с остальными германскими государствами периода Наполеоновских войн.

Противостояние с революционной Францией конца XVIII в. заглушило на время борьбу за лидерство в Германии между Габсбургами и Гогенцоллернами. Неудачная война за «восстановление законного порядка» во Франции привела к переносу боевых действий на территорию Священной Римской империи. Это, а также проблема французских эмигрантов вскрыли ряд проблем, среди которых кризис идентичности в немецком ареале. К рубежу XVIII–XIX вв. единой самоидентификации, кроме языковой и культурной, не сложилось. Помимо них, присутствовали «земельная», локальная идентичности, подданническая принадлежность по отношению к государству, а также к «Империи»[1]. Но осознания себя «нацией» по французскому образцу не произошло. Не состоя-

[1] Данн 2003: 66; Patrouch: 91-98; Lindmayr-Brandl 2017: 38-61.

лось и установление национального суверенитета, т.е. создание государства[2]. Его идеи получили распространение лишь в узком кругу заинтересованных интеллектуалов, не всегда имевших выход к публике[3].

Для современной Австрии проблема «взаимности» с Германией остается злободневной.[4] Отношения двух стран осложнялись не только различиями в историческом опыте, конфессиональном составе автохтонного населения и его политической культуре. Несовпадение ожиданий австрийцев от «Аншлюса» и реального положения «Дунайских и альпийских гау» в Третьем Рейхе стало поводом к переосмыслению австрийской идентичности и ее связи с Германией. Итогом стал кризис идентичности, выходом из которого стал тезис «Австрии – первой жертвы нацизма». Восстановление австрийского государства в 1945 г. и отмена оккупационного режима в 1955 г. ускорили отдаление официальной Вены от Германии. Несмотря на это, обе страны активно сотрудничают, полагая друг друга отдельными участниками в одном пространстве в силу отличий в историческом опыте и ментальности. Изменение исторической памяти касалось, среди прочего, осмысления событий начала XIX в., когда дискуссия о сопричастности Австрии и Германии затронула государство и общество в монархии Габсбургов.

События начала XIX в. углубили кризис самоидентификации в немецком ареале Европы. Часть территорий Священной Римской империи была захвачена Францией, а устройство самой империи пошатнулось из-за вопроса о медиатизации. Споры о разделе рыцарских и церковных владений крупными государствами стали признаком распада империи и утраты ее значения для германских монархов. Ситуацию с государствами-епископствами усугубил проект *Ecclesia Germanica* – попытка создания «Немецкой церкви», подотчетной императору на территории «Старого рейха»[5], что означало продолжение политики Йозефинизма, вызывавшей неприятие Ватикана. Все это подстегнуло банкротство идеологемы «Кайзер и Рейх», нанеся серьезный удар по влиянию Габсбургов. Итогом стал поиск альтернатив для легитимации своей политики и статуса[6]. Несмотря на недовольство Римско-католической церкви, процесс завершился в 1803 г.: «Заключительное решение имперской депутации» сделало легитимными все приобретения крупных светских государств[7]. После этого создание Наполеоном Рейнского союза означало лишение императора сколько-нибудь значимого влияния в Германии. Отречение Франца II от имперской короны стало признанием изменений[8]. В усло-

[2] Baycroft, Hewiston 2006: 171-192.
[3] Wedekind „Anrede an seine Mitbürger“, 27.10.1792.
[4] Scheutz, Strohmeyer 2008: 127-148.
[5] AT-OeStA. HHStA. Reichsarchive (14.-19. Jahrhundert). Reichskanzlei. Religionsakten 72-1: 1-28; 40-128.
[6] Vocelka 2001: 134.
[7] Reichsdeputationshauptschluß vom 25.02.1803.
[8] Rheinbundsakte vom 12.07.1806; Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz der II., wodurch er die Deutsche Kaiserkrone und das Reichsregiment niederlegt …, 6.8.1806.

виях господства наполеоновской Франции в Германии перед всеми германскими государствами стал актуальным вопрос свержения иностранного диктата, а также выстраивания отношений на иной основе.

Еще будучи императором Священной Римской империи, эрцгерцог Австрии Франц II в 1804 г. короновался как австрийский император. Так была завершена централизация владений Габсбургов[9]. Империя оставалась «сложноподчиненным» образованием: уровни автономии и статуса различных владений династии сильно отличались друг от друга. Отношения венского двора и негерманских владений к тому времени находились в непростой ситуации. Неудача реформ Иосифа II, репрессивные кампании 1790-х гг. и начало «национального возрождения» в славянских странах поставили вопрос о пересмотре идентитарной политики и ее направленности. Все это существенно затрагивало жизнь и австрийских немцев, и негерманских народов. Идентификация, связанная с правящим домом и его владениями, оказалась для Габсбургов изначально более приоритетной по сравнению с формальным лидерством в германском мире. В то же время, в своем манифесте об отречении от немецкой короны, Франц II (I) отметил, что «восстановление немецкого государства произойдет, пусть и в иной форме»[10]. Так был поднят вопрос сопричастности Австрии и остальной Германии, а именно к вопросу о сопротивлении диктату Наполеона и формальном лидерстве в нем.

Дискуссия о роли Австрии в германском вопросе шла в основном в консервативной среде и при императорском дворе в Вене. Сразу оказались задействованы в процессе члены дома Габсбургов, военачальники и высшая бюрократия. Консервативная идеология стала оформляться в единую систему взглядов усилиями интеллектуала – критика Французской революции и проектов реформ в Пруссии начала XIX в. Фридриха фон Генца. Создание общей исторической памяти для Германии и Австрии на принципе «сопричастности» начал руководитель Династического, придворного и государственного Архива Йозеф фон Хормайр. Дискуссия в ее различных преломлениях шла с 1803 по 1813 гг., оказав значительное влияние на «германскую» политику Австрии. С учетом того, что консервативное осмысление места Австрии в германском вопросе повлияло на самоидентификацию немецкоязычного населения империи, предстает логичным дать ему особую оценку.

Роль Австрии в германском вопросе и ее консервативное осмысление предстают хорошо изученными лишь в отдельных аспектах. Распад Австро-Венгрии и последующие изменения на территориях, бывших в ее составе, привлекали исследователей к осмыслению имперского наследия Габсбургов и его значения для стран-преемников. Работы таких исследователей межвоенного двадцатилетия, как Франц Брандл и Генрих фон Srbик, обращались к германской политике Австрии XVIII–XIX вв. Консервативные политики и интеллектуалы, такие как Клеменс

[9] Wiener Zeitung, 15.08.1804.
[10] Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz der II… 6.8.1806.

фон Меттерних, Фридрих фон Генц и Йозеф фон Хормайр, в них получили значительное рассмотрение. Исследования, написанные в условиях кризиса австрийской идентичности, поднимали вопрос сопричастности Австрии и Германии в периоды политической нестабильности. После прихода НСДАП к власти в Германии эти работы использовались для объединения обеих исторических традиций в одну, что должно было сделать «Аншлюс» политически легитимным. Тот же фон Србик, будучи после 1938 г. членом партии, активно содействовал этому.

Восстановление суверенной Австрии в 1945 г. стало поворотной точкой в осмыслении консервативного наследия XIX в. Историки Второй республики вслед за основными политическими партиями отошли от отождествления исторического опыта Австрии с германским[11]. Особый упор стал делаться на самостоятельность государства Бабенбергов, а затем Габсбургов в Священной Римской империи и Германском союзе[12]. Новое осмысление коснулось и темы сопричастности с Германией, особенно периода Наполеоновских войн, когда между «сопричастностью» и империей одной династии предпочтение было сделано в пользу последней. В современной историографии хорошо изучена роль отдельных интеллектуалов в оформлении консервативного дискурса эпохи Наполеоновских войн. Например, Г. Кроненбиттер активно исследовал интеллектуальное и политическое наследие Фридриха фон Генца, а также его политическое преломление[13]. В. Ланди, П. Томашек, Б. Гант изучили различные аспекты творчества главного историографа, идеолога Тирольского восстания 1809–1810 гг. Йозефа фон Хормайра[14]. Борьбу Австрии за освобождение Германии на примере Тироля в художественной литературе осветили Й. Файхтлингер и К. Хагеманн[15].

Несмотря на сходство австрийского консерватизма и «теории официальной народности» в Российской империи, исследований по проблеме на русском языке опубликовано не так много. Роль консервативной идеологии в дискуссии о германском вопросе остается практически не рассмотренной. Вниманию исследователя удостаиваются, как правило, историческая память об участниках событий 1789-1815 гг.[16]. Рассмотрение консервативного видения германского вопроса в Австрии позволит расширить эту картину. Анализ таких сюжетов, как историческая память и ее преломление во внутренней и внешней политике, позволит дополнить представления о природе политического консерватизма времен его встраивания в политику.

Основными источниками по теме исследования выступают тексты Фридриха фон Генца и Йозефа фон Хормайра. Генц редактировал импе-

[11] Mayrhofer-Schmid 1949: 10-20.
[12] Мартынюк 2019: 14-15.
[13] Kronenbitter 1999: 71-88.
[14] Landi 2008: 390; Gant 2003: 293; Tomášek 2017: 78-86.
[15] Feichtlinger 1984; Hagemann 2006: 41-62.
[16] Чудинов 2020; Даценко 2018: 494-503.

раторские «Австрийские манифесты» 1809 и 1813 гг., а также подготовил воззвание «К немецким князьям и немцам». С 1811 г. он выступал редактором официозной газеты «Австрийский обозреватель» (*Österreichischer Beobachter*), бывшей рупором консервативного крыла. Свои взгляды на германскую проблему и роль в ней Австрии Генц также изложил в корпусе переписки с императором и канцлером Меттернихом, опубликованном после его смерти под редакцией Г. Клинковстрёма[17]. Все это отражает то, что идеи секретаря Меттерниха быстро становились доступными и высшей имперской бюрократии, и лично императору. Франц I и его канцлер были самыми активными реципиентами идей Генца вплоть до конца 1820-х гг., когда мыслитель прекратил участвовать в политике Австрии. По инерции его тезисы оказывали влияние на политическую ситуацию в империи до революции 1848–1849 гг. В то же время, начиная с 1835 г. когда умер император Франц I, конкуренция с идеями национальных движений давалась им с большим трудом.

В одном ряду с ними находится воззвание главнокомандующего императорской армией эрцгерцога Карла от 4 апреля 1809 г. Член дома Габсбургов был автором лозунга «дело Австрии – дело Германии»[18]. Он трактовался как совместная борьба с Наполеоном и его диктатом усилиями всего германского мира, но под эгидой Австрии. Во многом обусловленный «ностальгией по Старому Рейху», лозунг имел немало сторонников при дворе, и на его продвижение в периодике выделялись значительные ресурсы. Как официозные, так и частные газеты в 1809 г. активно тиражировали воззвание, сделав его де-факто массовым манифестом для немецкоязычного ареала Европы. Таким образом, императорский двор и реформаторский кабинет Филиппа фон Штадиона апеллировали не только к подданным Габсбургов, но и ко всему немецкоязычному ареалу. Манифест стал альтернативой программам Штейна и Гарденберга в Пруссии, и, несмотря на ориентацию Штадиона и его окружения, находится под отпечатком консервативных идей.

Лозунг «Во имя Господа, Кайзера и Отечества»[19], ставший девизом войны 1809 г. против Франции, не касался напрямую остальной Германии, но с учетом позиции руководства империи и интеллектуалов-консерваторов стал частью повестки в Вене до Шенбруннского мирного договора. Углубило ее воззвание Франца I «К моим любимым тирольцам», подготовленное в ответ на «Письмо четырех сословий». Он не касался сопричастности с Германией, но был протестом против наполеоновского диктата в ней. Документы стали свидетельством обратной связи от населения отторгнутой провинции в консервативном ключе. Апелляция к «Старой империи» имела место в обоих случаях, с подкреплением ее образами «святой земли» и «неразрывной части владений Габсбургов»[20].

[17] Aus der alten Registratur… 1870.
[18] Данн 2003: 66.
[19] Für Gott, Kaiser und Vaterland.
[20] Hormayr 1803; 1806.

То есть консервативная повестка, близкая по содержанию к взглядам Генца и Хормайра, находила поддержку в отторгнутых землях и повлияла на самоидентификацию местного населения. Это признавало французское военное командование, констатируя неэффективность вооруженной борьбы с тирольскими повстанцами на начальном этапе[21].

Сочинения, посвященные истории монархии Габсбургов и ее отношениям с Германией, представил вниманию публики Йозеф фон Хормайр. Директор Династического, придворного и государственного архива до 1813 г. был одним из самых активных апологетов соучастия Австрии в делах Германии и ее освобождения от Наполеона. Вплоть до своего ареста по «делу Альпенбунда» Хормайр был де-факто главным историографом империи, который сначала на тирольском, а потом на общеимперском материале вырабатывал историческую память для всех общностей под властью Габсбургов[22]. Взгляды Хормайра на участие Австрии в германском вопросе отражены в сочинении «Австрия и Германия», сданном в печать незадолго до его ареста. Взаимосвязи двух стран он рассмотрел и в многотомном «Австрийском Плутархе». Спорадически этот вопрос отразился в сочинениях по истории Тироля, где отношения местных и имперских властей представали частью контекста.

Дополняют их материалы официозной и либеральной прессы, которые печатались в Вене на немецком языке. Официозные издания *Wiener Zeitung* и *Österreichischer Beobachter* были тесно связаны с императорским двором и высшим руководством империи, а также финансировались напрямую от государства. В данных изданиях публиковались не только очерки, но и официальные документы, к которым апеллировала монархия. что было свидетельством изменения политической культуры в империи Габсбургов. Третьей главной газетой стал «Отечественный бюллетень Австрийской империи»[23], это частное издание черпало средства за счет подписки и продажи экземпляров. Помимо поддержки «германского» курса, газета обращалась к проблемам повседневной жизни в разных уголках империи, работая на общеимперскую идентичность[24].

Йозеф фон Хормайр публиковал свои очерки о событиях прошлого монархии Габсбургов в «Отечественном бюллетене», а также публиковал документы из архивов, посвященные военной истории. Именно его усилиями установится культ принца Евгения Савойского, взятый на вооружение эрцгерцогом Карлом. Образ «спасителя Германии от Османов» культивировался особенно активно. Перемены в статусе прессы отразили начавшиеся изменения в господствующей идеологии и ее продвижении для подданных императора. Новые издания помогли восстановить разнообразие венской периодики после репрессивных кампаний 1790-х гг. Все тексты дополняли друг друга, так как интересанты –

[21] Brief des Intendant Salzburgs Angles, 9.06.1809
[22] Kaiserlich Österreichisches Leopoldordensdiplom…, 11.03.1809: S. 7-8.
[23] Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat
[24] См. подробнее: Болдырев, Рагозин 2018.

Генц и Хормайр – были сильно связаны с императорским домом и редактировали соответствующие издания.

Принято считать, что австрийский консерватизм и его программа сложились благодаря деятельности Фридриха фон Генца и его тесным связям с канцлером Клеменсом фон Меттернихом. Следует отметить, что Генц приступил к выработке новой идеологии еще до переезда в Вену в 1803 г., переведя на немецкий язык «Размышления о Французской революции» Эдмунда Бёрка. Он проявит себя как консерватор, будучи редактором «Австрийского манифеста» 1809 г. Данный текст под редакцией интеллектуала-консерватора выразил понимание отношений монархии и общества в Австрии. «Семья народов» под властью «отца-императора» уже представала альтернативой и «Старому Рейху», и «национальному государству» с конституционной формой правления, как ее предлагали реформаторы в Пруссии. Генц не ставил вопроса об объединении Германии, в отличие от прусских реформаторов, т.е. его устраивал статус-кво, но при условии изгнания французов[25].

Позиция членов императорского двора по отношению к «сопричастности» Австрии и Германии претерпела значительную эволюцию за время Наполеоновских войн. Утрата и без того незначительной власти над «Старым рейхом» Габсбургами с 1792 г., и медиатизация в 1803 г. поставили вопрос о новом характере связи между Габсбургами и Германией. Создание Рейнского союза в 1805 г. означало устранение Франца II от формальной власти над германскими государствами, а попытки реформы имперской конституции уже более не принимались. Тем не менее, в своем манифесте об отречении император заявил о «восстановлении германского государства в новой форме в обозримом будущем», тем самым полагая восстановление единства германского мира под эгидой Габсбургов. Лозунг «дело Австрии – дело Германии» как политическую программу предложил генералиссимус эрцгерцог Карл, который будет сторонником реванша против Наполеона под лозунгами немецкого национального единства. Схожие позиции выражал эрцгерцог Иоганн. Оба члена императорской фамилии принимали активное участие в войне 1809 г. как командующие войсками. Оба при этом активно взаимодействовали с крестьянами-повстанцами в Тироле под руководством Андреаса Хофера[26].

Самым обширным по объему рассуждением о сопричастности Австрии к освобождению Германии в годы Наполеоновских войн была «Австрия и Германия» Йозефа фон Хормайра[27]. Директор Династического, придворного и государственного архива, а также идеолог Тирольского восстания подготовил труд, в котором лидерство Австрии

[25] Österreichisches Manifest, 1809; Österreichisches Manifest, 1813.

[26] Franz I an Erzherzog Karl. 13. 5. 1809. Цит. по: Das Heer von Innerösterreich… 1817: 163-164.

[27] Hormayr 1814. Более подробно о роли Хормайра в Тирольском восстании 1809-1810 гг. см. также Рагозин 2020: 121-136.

в освобождении Германии представало логичным и естественным именно благодаря историческому опыту. Сочинение было подготовлено и вышло из печати в 1813 г., когда война с территории России перешла на территории Пруссии и остальной Германии. Поэтому рассуждения Хормайра о Бородинской битве и народах – участниках борьбы с Наполеоном предстали логичным осознанием «общего дела» не только Германии, но и остальной Европы. «Австрийцы» при этом заявлены отдельно – как от немцев, так и от остальных негерманских народов империи[28]. В своих рассуждениях об истории Хормайр называет ее «кладезью опыта и помощницей в делах прошлого и будущего», тем самым продвигая консервативное восприятие вектора развития государства. Память о предшествующем сопротивлении противнику, о силах, которые содействовали развитию государства и общества, по мнению историографа, была тем, что консолидировало империю Габсбургов.

Не отменяя «общности», Хормайр таким образом выделял немецкоязычных подданных Габсбургов из остального германского мира как его «лидеров», «более других проливших крови» за свободу Европы и Германии[29]. По мнению историографа, именно готовности к этому недоставало остальным немцам. Т.е. образ лидера, готового принести себя в жертву общему делу, разительно отличал Австрию от остальных германских государств. «Индивидуалисты», как их назвал Хормайр, считались обреченными на поражение. Образ «естественного лидера» германского мира подкреплялся примерами из средневековой и новой истории: фигуры Рудольфа I Габсбурга, Карла V и Фердинанда I усиливали восприятие Австрии как первого государства Германии, а Габсбургов – как легитимных глав Империи. Германия и Австрия в понимании Хормайра различались «по душевному состоянию» [30].

Несмотря на различия между германскими государствами, Хормайр подчеркивал такую общую черту германских государств и Австрии, как постоянную борьбу за свободу. Ариовист, Арминий и союз маркоманнов предстали защитниками германцев от римского господства[31]. Саксы эпохи Карла Великого и род Вельфов стали воплощениями «германской свободы»: возможности политического выбора при гарантии от произвола центральной власти. Появление на этом фоне Рудольфа I представало логичным, как и начало создания Габсбургами своей, «малой империи» на тот момент[32].

«Рудольфиада», как ее обозначил Хормайр, была одной из самых важных страниц исторической памяти для Германии и Австрии. Герцог и король становился «образцовым» для всех последующих правителей, как рыцарь и как политик. Борьба с «тираном» Пржемыслом II Оттока-

[28] Hormayr 1814: 7/
[29] Ibid.: 9
[30] Ibid.: 17.
[31] Ibid.: 11-12.
[32] Ibid.: 12.

ром стала, по мнению историографа, прообразом для Ландвера начала XIX в.[33] Продолжением тенденции, начатой при Рудольфе, стало наследное единство Австрии после Альбрехта I. Факторами успеха в последующее время стали брачная дипломатия, универсализм монархии и культурный рост. Одним из главных столпов стала католическая церковь, которая помогала стране стать лидером германского мира[34]. Ярким примером этого Хормайр приводит правление Альбрехта II, назвав его «прекрасным союзом Австрии и Германии».

«Единство и власть над самим собой» станут главными отличительными чертами Австрии от Германии при Фридрихе III, дополнившись девизом «Австрия превыше всего, если того хочет»[35]. «Порядок времени Рудольфа I» начинает уступать место идее объединения государств Центральной и Восточной Европы против Османов. Появление аббревиатуры AEIOU[36] стало и продолжением старой традиции Габсбургов, и началом новой: эрцгерцогство начинает строить свою империю, не связанную с Германией политически[37]. С точки зрения Хормайра, империя Карла V была водоразделом для соучастия Австрии в германских делах: отражение османской угрозы сделало возможным «кровавое разделение Германии» по итогам Реформации и конфессиональных войн. Лютер и его сторонники из числа князей превратили идею политического объединения Германии в «Сизифов камень», как его обозначил Хормайр[38]. Оборотной стороной стала универсалистская империя Габсбургов, ставшая, по мнению историков, примером для остальной Европы, когда удалось избежать судьбы Италии, ставшей объектом «чужеродного интереса». Спасение Вены в 1683 г. от турок предстает успешным по итогу общего усилия: «Подобно Карлу Великому, Германия, Австрия и Польша доказали, что объединение Центральной и Восточной Европы против Османов дает результаты»[39]. Подкрепил историограф этот сюжет образом «ножа в спину» со стороны Франции.

События XVI–XVII вв. в плане отношений Австрии и других германских государств Хормайр обозначил как «попадание в беду по своей вине»: Реформация, крестьянская война под лидерством Томаса Мюнцера, конфессиональные войны Шмалькальденского союза и Тридцатилетняя война привели к «отсутствию тела государства»[40]. Все это контрастировало с тем, что «без немцев ничего не решается в Европе», а немецкий «герой на поле брани оставался ценным». Начало Тридцатилетней войны представало «преступным», так как «турки стояли у Дравы»[41].

[33] Ibid.: 34-38.
[34] Ibid.: 49.
[35] Hormayr 1814: 61-63.
[36] Austria Est Imperator Orbi Universo. Хотя имеется ряд альтернативных расшифровок.
[37] Ibid.: 50-57.
[38] Ibid.: 68-73.
[39] Ibid.: 88-89.
[40] Ibid.: 12.
[41] Hormayr 1814: 79.

Тем не менее, историк полагал это время концом универсалистской монархии для «Старого рейха», выходом для Австрии была только своя империя. Исходя из этого, первыми он осудил венгерскую аристократию и ее непоследовательность. Конец XVII в., в понимании Хормайра, дал «вторую силу» для Германии, которая тоже подверглась критике. Бранденбург-Пруссия, по мнению историографа, доказала возможность сражаться до последнего, и посему также привлекла к себе внимание[42].

Главным памятным месяцем для Германии и Австрии, по мнению Хормайра, должен был стать октябрь. Историограф связывал с ним поражение османов под Веной, заключение Вестфальского мира, поражения под Ульмом и Йеной, а также Шёнбруннский мир. Хормайр полагал эти события как напоминание немцам и австрийцам о необходимости совместных действий против врагов в Европе. Именно этот месяц, по его мнению, должен был стать еще и временем победы над Наполеоном. Развивая свою мысль, Хормайр обратился к примерам таких полководцев, как Тилли в годы Тридцатилетней войны, «сделавшего Фридриха Пфальцского королем одной зимы в Чехии». Руководить освобождением, в понимании историографа, должны были Габсбурги как «врачеватели империи» в средние века, положившие конец бескоролевью и «расчленению Родины». Австрийское государство глазами Хормайра было ориентиром для всей Германии в процессе централизации, в освобождении от иноземного господства, культурном развитии.

Спад Германии и Австрии XVIII в. Хормайр связывал с действиями морских держав и ростом Российской империи. Слом баланса сил и появление «чуждого Германии самодержца» в Пруссии станет началом конца Священной Римской империи и уничтожит единство германского мира в XIX в.[43] Монархи-реформаторы на австрийском троне, Мария Терезия и Иосиф II, станут образцами добродетели, справедливости и силы. Иосиф станет, подобно российским правителям, «самодержцем народов», т.е. монархом, который объединял усилия неродственных общностей на общее дело[44]. Сходство России и монархии Габсбургов будет активно использоваться Хормайром в консервативном ключе, так как он считал устойчивость правящей династии важнейшим фактором развития государства. В то же время, историограф отметил роль «спартанской» Пруссии в начале освобождения Германии[45].

Хормайр полагал необходимым дать целостную, идущую в ногу со временем консервативную парадигму. Она должна была содействовать сохранению Австрийской империи и лидерству Австрии в Германии. Вместе с Романовыми, Габсбурги и Гогенцоллерны представали «спасителями Европы», подобно «братьям Горациям»[46]. Т.е. консерва-

[42] Ibid.: 95.
[43] Ibidem.
[44] Ibid.: 109.
[45] Ibid.: 110.
[46] Ibid.: 111-112.

тивное прочтение участия Австрии в Германских делах оставалось на династическом подходе. Несмотря на то, что империя Габсбургов находилась «на кровавом поле боя, и была не раз на грани поражения», Хормайр представлял ее как «никогда не побежденную до конца». На этом он и строил обоснование лидерства Габсбургов в Германии, называя Австрию его «краеугольным камнем»[47].

Роль Австрии – «страны на перекрестке наций, центра культуры», остававшейся таковой даже во время войны, отразилась в фольклоре, литературе и искусстве. По мнению Хормайра, это сыграло свою роль: австриец осознавал, что ему «было что защищать при Хоэнлиндене, Ульме и Ваграме»: борьба за «старый порядок, свободу, равновесие и самосохранение» в 1809 г., которую историограф назвал «беспримерной», и давшей право на лидерство в Германии снова. Героем победы над Наполеоном в Германии Хормайр назвал Шварценберга, проецируя на него роль Валленштейна в борьбе против шведов во время Тридцатилетней войны. Предшественник Шварценберга, отставной генералиссимус эрцгерцог Карл, тоже удостоился места в нарративе Хормайра. Титул «дважды спасителя Германии» после Кампо-Формийского мира стал признанием заслуг члена правящего дома[48].

Хормайр поддержал идею объединения Германии после победы над Наполеоном. Историк подчеркнул главенство в этом процессе Габсбургов лозунгом «голос Австрии – голос народа»[49]. Сопротивление тирольцев и участие в нем остальной Австрии для Хормайра было доказательством «народного характера» войны с Наполеоном за освобождение Германии. Страна шла «на жертвы в нынешнее время, осознавая свое прошлое», т.е. защищала и себя, и остальные германские государства, «восстанавливая человеческую природу и «естественное устройство» мира». Таким образом, 1813-й год стал, в понимании Хормайра, «восстановлением австрийской нации» против иностранного ига и восстановлением «немецкой свободы»[50].

За год до сдачи в печать «Австрии и Германии» Хормайр опубликовал последние тома «Австрийского Плутарха», корпуса нарративов исторической памяти, касающейся всей империи Габсбургов. В то же время, это сочинения не обошло вниманием германо-австрийские отношения. Роль Австрии для Германии представала одной из самых значимых. Особое внимание было уделено австрийским герцогам и эрцгерцогам – участникам разрешения кризисов в Империи. Маркграфы, а затем герцоги из рода Бабенбергов представали наиболее лояльными вассалами императора и хранителями пограничья. Их эпоху Хормайр назвал «временем становления Австрийской свободы»[51]. Ставший ко-

[47] Ibid.: 116.
[48] Ibid.: 120-132.
[49] Ibid.: 154.
[50] Ibid.: 183.
[51] Мартынюк 2019: 26; Hormayr 1812. Bd. 19: 126.

ролем герцог Рудольф I Габсбург представал «врачевателем империи» после эпохи «бескоролевья», связанной с падением Гогенштауфенов. Невключение Рудольфа IV в коллегию Курфюрстов Карлом IV в 1356 г. дало герцогу, по мнению Хормайра, действовать по своему усмотрению. Централизация земель вокруг Австрии представала логичным процессом и «примером для Германии»[52].

Де-факто наследственная передача короны Священной Римской империи в роду Габсбургов после Фридриха III виделась предпосылкой к концентрации власти в руках одного монарха и борьбой с партикуляризмом. Дополнял эту картину нарратив о борьбе с турецкой угрозой, что делало легитимными притязания на объединение Центральной Европы. «Архитектор Германии», как его обозначил Хормайр, стал адекватной фигурой для коммеморации в условиях борьбы с внешним противником[53]. Реформация, с точки зрения историографа, напротив, прервала централизаторскую тенденцию. Проводники лютеранства удостоились критики в первую очередь за это. Кризис Священной Римской империи в XVIII – начале XIX в. и политика королевства Пруссия представали взаимосвязанными, и начало дезинтеграции империи прямо ставилось в вину Гогенцоллернам[54]. Отказ Франца II от имперского трона виделся логичным, но ему не придавалось особого значения. Считалось, что Империя продолжила существовать в ином ключе.

Манифест императора Франца II и прокламация «К немецким князьям и немцам» под редакцией Фридриха фон Генца в 1813 г. стали переходным звеном от «сопричастности» к консервативному восприятию власти в Германии и Австрии. Монарх теперь являлся не просто «отцом» для подданных, но и гарантией существования государства и права. Генц назвал германских князей и австрийского императора «лучшими представителями народа»[55]. Иными словами, аристократизм и солидарность консервативных сил выдвинулись вперед по сравнению с идеями национального движения и «сопричастностью» Австрии и Германии. Главный ее апологет, Йозеф фон Хормайр, на тот момент находился в заключении по «делу Альпенбунда» в венгерском Мункаче, и был исключен из дискуссии. Поэтому идеи Генца получили гораздо большую аудиторию.

После разгрома Австрии в 1809 г., подавления Тирольского восстания и отставок реформаторов произошло постепенное свертывание дискуссии о сопричастности с Германией. Курс Клеменса фон Меттерниха был более ориентирован на сохранение целостности империи Габсбургов. Германский вопрос был интересен лишь с точки зрения восстановления формального лидерства Австрии в немецкоязычном ареале. Поэтому смещение в пользу консервативного курса в прессе

[52] Hormayr 1807. Bd. 3: 31-34.
[53] Hormayr 1807. Bd. 5: 85.
[54] Hormayr 1814: 68-73
[55] Gentz 1814: 3-12; Manifest des Kaisers…, 1813

началось раньше, чем в среде идеологов. Главный рупор консервативной среды, «Австрийский обозреватель», получил существенную поддержку от Фридриха фон Генца и императорского двора[56].

Осмысление сопричастности Австрии и Германии в эпоху Наполеоновских войн вызвало острую дискуссию в консервативных кругах. Несмотря на близость в отдельных взглядах, австрийский консерватизм не выразил единой позиции об участии империи Габсбургов в освобождении немецких земель от диктата Наполеона. Общими для Генца, Хормайра и членов императорской фамилии были призывы к изгнанию французов с территории бывшего «Старого рейха» и лидерство в этом процессе Австрии. Лозунги династического патриотизма здесь выполняли усиливающую функцию, и выступали аргументом в пользу курса, который вела Вена против Наполеона. Упор на связи с Германией делался в плоскости исторической памяти и роли Австрии в разрешении проблем «Старой империи». Так, конец «бескоролевья» после свержения Гогенштауфенов изображался исключительно заслугой Габсбургов. «Рудольфиада» усилиями Хормайра стала частью исторического мифа Габсбургов уже в это время. После 1813 г. она станет одним из главных сюжетов под пристальным вниманием императора Франца I.

Реформацию, конфессиональный раскол Германии и отсутствие централизации австрийские консерваторы также единодушно осудили. Критика оппонента Габсбургов, прусских Гогенцоллернов, была обычным делом, хотя во время войн с Наполеоном не столь важной, как ранее. «Чуждый Германии самодержец», т.е. любой король Пруссии становится архетипом германского князя – виновника раскола империи. Этот образ проецировался и на других германских правителей, бывших оппозицией Габсбургам. Ностальгия по «Старой империи» в первую очередь была связана с «немецкой свободой», которая позволила Габсбургам создать свою империю усилиями всех князей – «лучших представителей народа». При этом свою империю мыслители-консерваторы часто сравнивали с Россией, говоря о «самодержцах народов», т.е. о добровольном объединении разнородных этносов под знаменем лояльности династии и общего дела.

Австрия глазами членов императорского дома и мыслителей-консерваторов представала «естественным» лидером германского мира. Инициатива по борьбе со всеми вторжениями в Империю приписывалась австрийским правящим домам Бабенбергов и Габсбургов. Так оправдывался и особый статус австрийского государства и присоединение к нему новых земель, а также формальное лидерство Габсбургов в Священной Римской империи. Лозунг «Дело Австрии – дело Германии», под которым началась война 1809 г. с Наполеоном, как раз делал акцент на создании образа «сопричастности» Австрии и Габсбургов к освобождению Германии от Наполеона. Поражение в войне и уход ре-

[56] Gentz an Metternich, 14.11.1810; Gentz an Metternich, 20.10.1813; Gentz an Metternich, 15.02.1814: 49-75.

форматоров с ключевых постов сделали реализацию этой политики невозможной. Итогом станет концентрация внимания монархии и высшей бюрократии на собственно владениях Габсбургов и создании образа «семьи народов», причем для последнего интеллектуалы-консерваторы провели сопоставимую работу, в т.ч. в плоскости исторической памяти и политической мобилизации. Позднее это станет частью идентитарного кризиса в империи по мере ослабления консервативной парадигмы в 1835–1848 гг. и роста национальных движений.

По мере успехов в войне с Наполеоном в 1813–1814 гг. необходимость в идее «сопричастности» Австрии и Германии отпадала. На это работала и позиция руководства империи в лице Франца I и Клеменса фон Меттерниха, и приближение к ним интеллектуала-консерватора Фридриха фон Генца. Устранение из дискуссии автора нарративов исторической памяти Йозефа фон Хормайра также удалило идею «сопричастности» Австрии и Германии на второй план. Контроль над прессой и прямая финансовая поддержка со стороны государства консервативным изданиям сделали их едва ли не единственными средствами формирования политического сознания в империи Габсбургов. Содействовала этому популярность романтизма в общественной жизни, которая в условиях «усталости от войны» идеализировала патерналистские отношения между монархом и обществом. Такое прочтение ряда сюжетов за авторством Йозефа фон Хормайра сделало возможным усиление присутствия государства в общественной жизни империи.

Таким образом, консервативное осмысление «сопричастности» Австрии и Германии в ходе Наполеоновских войн прошло значительную эволюцию. Изначально играя на «ностальгии об империи», самоидентификации «от противного» и династическом и имперском патриотизме интеллектуалы-консерваторы активно цементировали «сопричастность» Австрии и Германии. Историческая память, апелляция к «немецкой свободе» и ее поддержке Габсбургами и лозунг «Дело Австрии – дело Германии» прямо демонстрировали общее, по мнению их создателей, чаяние основной массы немцев в Европе.

В то же время слабым местом этой программы было отсутствие стратегии дальнейших действий, что после поражения в 1809 г. стало одной из предпосылок к смещению акцента в Вене на империю Габсбургов, а не на Германию. Господство консервативного подхода к политической организации империи после этого обеспечивалось поддержкой со стороны монархии, высшего политического руководства и католической церкви, заинтересованных в статус-кво.

Тем не менее, наследие интеллектуалов-консерваторов заложило основы для исторической памяти немцев в Австрии и Германии, а также для негерманских народов. Оно отразилось в политической культуре империи Габсбургов, создав восприятие династического патриотизма как единственно возможную опцию для консолидации полиэтнич-

ной империи. Оборотной стороной стал кризис консерватизма после смерти Франца I, когда при отсутствии обновления доктрины и кризисе монархии идеология могла конкурировать с национальными движениями, в т.ч. с немецким, лишь при помощи репрессивных методов.

Источники

AT-OeStA. HHStA. Reichsarchive (14.-19. Jahrhundert). Reichskanzlei. Religionsakten 72-1.

Aus der alten Registratur der Staatskanzlei. Briefe politischen Inhalts von und an Friedrich von Gentz / Hrsg. von C. von Klinkowström. Wien, 1870.

Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz der II., wodurch er die Deutsche Kaiserkrone und das Reichsregiment niederlegt, die Kurfürsten, Fürsten und übrige Stände, wie auch alle Angehörige und Dienerschaft des Deutschen Reiches, ihrer bisherigen Pflichten entbindet, 6.8.1806. URL: http://www.documentarchiv.de/nzjh/1806/franz-II-niederlegung-kaiserkrone.html

Franz I an Erzherzog Karl. 13. 5. 1809. Цит. по: Das Heer von Inneröesterreich unter den Befehlen des Erzherzogs Johann im Kriege von 1809 in Italien, Tyrol und Ungarn. Leipzig – Altenburg, 1817. S. 163-164.

Hormayr J. von. Österreich und Deutschland. Gotha: In der Beckerschen Buchhandlung, 1814. 184 S.

Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807-1812. In 20 Bde.

Hormayr, J. von. Geschichte der gefürsteten Grafschaft Tirol. Tübingen: Cotta, 1806. In 2 Bde.

Hormayr, J. von. Kritisch-diplomatische Beytrage zur Geschichte Tirols im Mittelalter. Wien: Gassler, 1803. In 2 Bde.

Kaiserlich Österreichisches Leopoldordensdiplom für den Freiherrn von Hormayr, 11.03.1809. Цит. по: Sammlung offizieller Erlasse an J. von Hormayr von 1809–1811, dessen politische Wirk-samkeit in Tyrol betreffend. Wien, [Als Manuskript für Freunde gedrückt]. S. 7-8.

Gentz F. von. An die Deutschen Fürsten und an die Deutschen. Leipzig: Rein, 1814. 22 S.

Gentz F. von (Hg.). Österreichisches Manifest, 1809. Цит. по: Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim: Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 336-366.

Gentz F. von (Hg.). Österreichisches Manifest, 1813. Цит. по: Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim: Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 367-393.

Manifest des Kaisers von Österreich, König von Ungarn und Böhmen Franz I, 19.08.1813. Цит. по: Österreichischer Beobachter. 20.08.1813.

Reichsdeputationshauptschluß vom 25.02.1803. URL: http://documentarchiv.de/nzjh/rdhs1803.html

Rheinbundsakte vom 12.07.1806. URL: http://www.documentarchiv.de/nzjh.html (27.05.1806).

Wedekind G. „Anrede an seine Mitbürger“, 27.10.1792. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/8_MainzRepublic_Doc.1_German.pdf

Wiener Zeitung. URL: (13.05.2021)

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Болдырев Р.Ю., Рагозин Г.С. «Во имя Господа, Кайзера и Отечества»: Тирольский земельный патриотический миф Андреаса Хофера в контексте антинаполеоновского сопротивления в Австрии и Германии. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74) [Boldyrev R. Yu., Ragozin G.S. “Vo imya Gospoda, Kaisera i Otechestva” Tirolskiy zemelny patrioticheskiy mif Andreasa Hofera v kontekste antinapoleonovskogo soprotivleniya v Avstrii i Germanii // Elektronny nauchno-obrazova-telny zhurnal “Istoriya”. 2018. T. 9. Vyp. 10 (74). URL: https://history.jes.su/s207987840002412-2-1/

Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Наука, 2003. 469 с. [Dann O. Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990. SPb.: Nauka, 2003. 469 s.].

Даценко П.А. Ревизия истории Тирольского восстания 1809 года или микроисторический этюд? О книге М. Шпана // Французский ежегодник. 2018. С. 494-503. [Datsenko, P.A. Revisiya istorii Tirolskogo vosstaniya 1809 goda ili mokroistoricheskiy etud? O Knige M. Shpana // Frantsuzskiy ezhegodnik. 2020. S. 494-503.]

Мартынюк А.В. До Гербершейна. Австрия и Восточная Европа в XIII–XVI вв. М.: Квадрига, 2019. 576 с. [Martyniuk A.V. Do Gerbershteina. Avstria I Vostochaya Evropa v XIII–XVI vv. M.: Kvadriga, 2016. 576 s.]

Рагозин Г.С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тирольского восстания 1809–1810 гг. // Французский ежегодник. – 2020. С. 121-136

[Ragozin G.S. Meyhdu istoriyei i politikoi: Jozef fon Hormayr – ideolog I uchastnik Tirolskogo vosstaniya 1809–1810 gg. // Francuzskiy ezhegodnik. 2020. S. 121-136].

Чудинов А.В. Вторая смерть Андреаса Хофера? Особенности эволюции исторической памяти о Тирольском восстании 1809 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. URL: https://history.jes.su/s207987840008940-3-1/ [Tchoudinov A.V. Vtoraja smert Andreasa Hofera? Osobennosti evoljutsii istoricheskoj pamiati o Tirolskom vosstanii 1809 g. // Elektronny nauchno-obrazovatelny zhurnal "Istoriya". 2020. T. 11]

Baycroft T., Hewiston M. (Ed.). What is a Nation? Europe 1789–1914. N.Y.: Oxford University Press, 2006. 392 p.

Hagemann, K. "Be proud and firm, the Citizens of Austria!" Patriotism and Masculinity in Texts of the "Political Romantics" written during Austria's Anti-Napoleonic wars // German Studies Review, Vol. 29, No. 1 (Feb., 2006). P. 41-62.

Gant, B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck: Universität Innsbruck, 2003. S. 293.

Kronenbitter G. Friedrich von Gentz und Metternich // Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart, 1999. S. 71-88.

Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen. G. Pfeiffer (Red.). Bozen, 2008. S. 390.

Lindmayr-Brandl A. Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser // Telesko W. (Hg.). Die Representation der Haubsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918. Wien: Böhlau, 2017. S. 38-61.

Mayrhofer-Schmid, A. Hormayr und die Romantik. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1949. S. 10-20.

Patrouch J. F. The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination // Austrian History Yearbook 40 (2009). P. 91-98.

Scheutz M., Strohmeyer A. (Hg.) Was heißt „Österreichische Geschichte"? Probleme, Perspektiven und Räume der Neuzeitforschung. Innsbruck: Studien Verlag, 2008. 208 S.

Tomášek P. Aristokracie vkusu. Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. století. Doktorská disertační práce. Brno: Masarykova Univerzita, 2017. 340 s.

Vocelka K. (Hg.). Österreichische Geschichte 1699-1815. Glanz und Untergang der Höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien: Ueberreuter, 2001. 542 S.

Рагозин Герман Сергеевич, *кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова.*

Is a "Cause of Austria" the "Cause of Germany"? Conservative Reflections on Austrian Participation in the German Problem During the Napoleonic Warfare Era

The paper deals with the German-Austrian "mutuality" issue during the Napoleonic warfare. Discussion on relations of Vienna and the rest of Germany was on the agenda for the Habsburg family, army and bureaucracy after the "Old Reich" collapsed in 1806. The motto "A cause of Austria is the cause of Germany" was to prove the connection between these lands with the means of historical and contemporary images. The conservative ideologists like F. von Gentz and J. von Hormayr referred to historical memory, dynastic patriotism and criticism towards the French revolution and Napoleon. Their ideas gained feedback from reformers, warlords and rebel leaders acting against Napoleon between 1803 and 1809. After the Schönbrunn peace the motto and the Austrian conservatism went through re-evaluation.

Keywords: *history of Austria, the German problem, conservatism, Austrian conservatism, Friedrich von Gentz, Joseph von Hormayr, Clemens von Metternich.*

German Ragozin*, Candidate of History, Associate professor at the Department of World History, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.*